

Андрей Миров

Без любви

о двух концах
с
Прологом в начале и Эпилогом в конце

или

Лифт в Преисподнюю

18+

Андрей Милов

**Без любви, или Лифт
в Преисподнюю**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Милов А.

Без любви, или Лифт в Преисподнюю / А. Милов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10922-3

У озера, в виду нехоженого поля, на краю старого кладбища, растёт дуб могучий. На ветви дуба восседают духи небесные и делятся рассказами о юдоли земной: исход XX – истоки XXI вв. Любовь. Деньги. Власть. Коварство. Насилие. Жизнь. Смерть... В книге есть всё, что вызывает интерес у современного читателя. Ну а истинных любителей русской словесности, тем более почитателей классики, не минуют ностальгические впечатления, далёкие от разочарования. Умный язык, богатый, эстетичный. Легко читается. Увлекательно. Недетское, однако ж, чтение, с несколькими весьма пикантными сценами, которые органически вытекают из сюжета.

ISBN 978-5-532-10922-3

© Милов А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Без любви	6
Каждый десятый	7
Никита Леонтьевич Борг	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

*Я за всех свое отплакала, отвыла.
Только смерть измерит глубину утрат.
В смерти видишь лучше то, что в жизни было...*
А. Милова

Без любви

Як умру, то поховайте мене на могилі...

Тарас Шевченко. Заповіт

Каждый десятый Пролог

Трижды блаженны те, кто не видел, но уверовал.

Даниил, игумен русской земли

Однажды двое заспорили горячо, кому из них двоих на самом деле повезло в этой жизни больше, да так и не сумел ни один переубедить другого. Ну а поскольку спорщики были не глупы, но упрямы, то, препираясь, перекинулись на весьма насущный во всевышних сферах вопрос, а каким же образом впредь снаряжаться к предстоящей жизни, чтобы обрести наконец человеческое счастье. Причём спорили они так долго, что за спором не заметили, как жизнь прошла стороной. Когда всё ж таки уверились, что жизни уже нет, то было слишком поздно что-либо переустроить в ней на свой собственный лад.

Всё равно сидят, однако ж, на ветке могучего дуба в виду озера на краю кладбища, где в землю вот-вот схоронят их косточки, и прекословят без устали.

Имена их под стать нравам – смешно сказать: один откликается на имя Ой, а другой – на имя Ай. Но много, очень много вещают сии немудрёные, хотя и колкие имена человеческому сердцу, проникая в ухо и достигая самой души, что привыкла прятаться от них в пятки.

Да и как укорять-то их за память короткую, за небрежение грехами, коль сами не помним, что вышли из чистейших вод и состоим в основном из воды. Ведь рано или поздно, однако ж в строго определённый кем-то час, покинув брэнное тело, устремляется душа ввысь... – и в свой час роковой низвергается душа с высот лазурных, чтоб, забывшись, опять с головой окунуться в бурные воды земного бытия.

Кстати бы заметить тут: некто однажды подсчитал, будто землю в наши дни одновременно населяет одна десятая часть от всего рода человеческого, кто от первобытных времён и до нынешнего дня имел удовольствие быть рождённым и прожить до самой своей смерти. Стало быть, каждый десятый обретается где-то по соседству с нами и, должно быть, полагает, что земля и есть тот рай, который человек своими руками превращает в ад.

Так это или иначе, но за спиной любого современника выстроилась длинная череда из всевышних неудачников, чьё «я» вынуждено ждать своего счастливого часа, чтоб обрести брэнную плоть для бессмертной души и запустить тикающий механизм, прикрытый бронёй из крепких косточек, что люди рёбрами зовут.

Таким образом, совсем неудивительно, что всякий новорождённый, закрывая за собой дверь того непознанного разумом мира, откуда он пришёл, слышит отзвук недовольного, завистливого ропота. Впрочем, кто ж искренне пожалеет своего завистника и уступит ему своё место?! Никто не может желать удачи сопернику, как никто не выбирает времена, географическое местоположение или мать свою, не говоря уж о языке и вере в свой путь обратный.

Собираясь налегке в нелёгкий путь, чтоб явить себя свету божьему, да и смутить род человеческий своим громким несмыслённым криком, не забыть бы удачу, и тогда то, утверждают бывалые, что не должно было случиться вовсе, то и произойдёт самым обычным образом – естественным как роды.

Главное при этом, не терять времени даром.

Но ежели в наспех собранном багаже завалилась ещё и толика совести, то везунчик этот должен помнить, что за фарт надо платить сполна, и потому от роду он уже должен всем, в том числе и самому себе.

Никита Леонтьевич Борг

Конец первый

О, что бы я сделал, если б я не потерял времени даром...

И. С. Тургенев. Первая любовь

Единственно, чего не должен был вовсе наш удачливый герой, так это родиться на свет божий.

Некто посеял семя, а посеяв, забыл и думать о нём. Сорняком взошло семя; нечаянный росток не подумали вовремя прополоть, и сотворилось великое чудо без намёток: родился человек. Родился в рубашке, то бишь в пузыре, что предвещало удачу на крутых виражах судьбы. А судьба, всем известно, ой какая капризная подруга жизни!

При рождении нарекли везунчика Никитой. За неимением отцовской, родовая фамилия досталась ему от матери – Борг, ну а по батюшке назвали попросту и без затей – Леонтьевич.

Так и записали в метриках: Никита Леонтьевич Борг.

Как с яслей неустанно твердили малышу воспитатели, наш несмышлёныш должен был быть благодарен лично Леониду Ильичу за своё счастливое детство. Губа не дура, кого-кого, а его-то он и поторопился определить себе в тайные отцы – по недоразумению, должно быть. Слава богу, держал при себе сие откровение, иначе не избежать бы кривых намёков да вечных насмешек, коими доброхоты склонны сглазить любую судьбу, пускай даже и предначертанную свыше.

К началу нашего рассказа старые добрые времена, которые хлёсткие языки окрестили недобрым словом – застой, уже изрядно изменились, да и сам герой наш повзрослел настолько, чтобы понимать, откуда и как берутся дети. Все свои повинности, в том числе военные, он отбыл, безропотно и без сожаления расставшись с иллюзиями детства и отрочества, – познавая себя, готов уж был познавать и окружающий его мир. И вот запнулся он, в конце концов, на распутье дорог... и волен выбирать любую, тем более что время недвусмысленно подсказывало, подталкивая в спину, – на какую стёжку-дорожку да как именно ступить.

Таким образом, Никите Леонтьевичу Боргу ничего другого не оставалось, кроме как отдать должное настоящему зову времени и довериться слепой удаче. Казалось бы, все свои долги отдал – задолжал разве что самому себе: быть богатым, здоровым и блаженным, да маленьких Боргов приплодом осчастливить всё оставшееся не удел человечество.

Когда ты молод, смышлён и настойчив, то мечты не кажутся тебе несбыточными, а если ещё и энергия брызжет через край, то ты крайне нетерпелив в своих желаниях. Хочется всего и сразу, и мысль опережает действие. Лишь бы при этом не надорваться. Но вот чего Боргу было не занимать, так это здоровья, а из здоровья выходила силушка и страсть неуёмные. Он, конечно же, транжирил их, как водится, особо не раздумывая; только подошвы горели да асфальт плавился под его башмаками.

По-летнему яркий и тёплый, апрельский день был в самом разгаре, располагая к послеобеденной неге и безделью. Чуть парило, и в воздухе пахло прошлогодней пылью. Далёкое беспечное облачко на горизонте сулило к вечеру умыться охлаждающим душем землю.

Никита с сожалением бросил прощальный взгляд в бездонную лазурь небес, как будто пытаясь вдохновиться вешним настроением, которым, казалось, была насквозь пропитана возрождавшаяся от зимней спячки природа, вздохнул прерывисто и спустился едва ли не на ощупь по шербатым ступеням лестницы в отсыревший полумрак полуподвальной прихожей. Яма. Перевёл дух – решительно постучал кулаком в крашенную кистью металлическую дверь.

Неспешное эхо очнулось от мечтательного забытья, чтоб спросонья откликнуться изнутри недовольным скрипом: отворилось небольшое квадратное зарешёченное оконце, осветив пятючок пространства и лицо посетителя, и его спросили с вызовом:

– К кому?!

– В кассу.

– Как представить?

– Никита... Никита Леонтьевич Борг.

Оконце со скрипом затворилось, и точно бы после томительных раздумий дверь приоткрылась непочтительно узкой щелью. Протиснувшись внутрь, он спустился ещё ниже на три крутых ступени.

– Осторожно, – буркнул в спину охранник, в камуфляжной форме, без знаков отличия, и предупредил: – Не ударьтесь головой.

– Спасибо. Уже учёный.

Никита нагнулся, чтоб при входе в зал ожидания не зацепить лбом поперечную бетонную балку, и подался внутрь – на свет дневных матовых ламп, одна из которых с порога, будто нервным тиком, криво подмигнула ему. Поймал скучающие взгляды и поздоровался кивком головы, невнятно промямливая под нос, лишь шевелением губ обозначая приветственное слово, и занял свободное место в ряду скреплённых между собой кресел – наверняка из соседнего кинотеатра, который как-то однажды закрыли на реконструкцию, да так, к слову, и забросили до лучших времён.

Охранник запер за ним дверь на засов и занял место стража за столом при входе. Тут же склонился над газетой, освещённой настольной лампой, не обращая внимания на коммерсантов, что в ожидании своей очереди нетерпеливо поглядывали на фанерную перегородку с врезанной в неё самодельной дверью. По всему залу разносился оттуда едва приглушённый стрёкот машинки, пересчитывающей купюры.

На оптимистическую вскидку ждать было минут сорок, не меньше. Никита скользнул взглядом по коленкам в ряду, и его лицо невольно исказила кривая ухмылка: во, блин, конспираторы! И, положив к себе на колени, прижал к животу свёрток – такой же пакет из супермаркета, как и у прочих в очереди в кассу.

Покосился с тоской на соседнюю дверь, с автоматическим замком, что вела во внутренние помещения, и задумался на чуть... да и решил не торопить события. Хотя и не терпелось. Ему удобнее сначала сдать в кассу деньги, а потом только идти к менеджерам и обсуждать новый заказ, чтоб выторговать хоть какие-то скидки да продвинуть свой ассортимент.

Офис корпорации «Текстайл Интернешнл» располагался в подвале жилого дома и был если и не шикарным по тем временам, то очень даже ничего, с виду вполне достойно смотрелся: ни труб, ни вентиляей, стены свежеевыкрашены розовой краской и потолок почти белый, без протечек. Не пыльно. Не сыро. Чуть душновато. Вентиляционные отдушины под потолком облагорожены ажурной ковеной решёткой и играют роль окон, причём не только создавая видимость, но и на самом деле пропуская внутрь норы лучик дневного света да глоток свежего воздуха. Тем не менее, подумалось, электрический счётчик расточительно наматывает круги сутки напролёт.

Никита прикрыл глаза и впал в чуткую спячку. Почти два часа длился его вынужденный сон, пока наконец ни подошла очередь. Он стряхнул дрему с глаз долой и, приободрившись чуть, вошёл через дверь за перегородку. Глухой тесный тамбур был освещён яркой до рези в глазах лампой. На стол бросил пакет и, заглянув в полукруглое окошечко, куда можно просунуть руку, но не голову, приветствовал по-свойски, при этом приязненно улыбаясь:

– Привет. Как дела?

– Здравствуй, – устало и безразлично ответила ему женщина изнутри, очевидно не разделяя его радушия.

Никита, впрочем, будто не замечал прохладцы ни во взгляде, ни в тоне и продолжал как ни в чём не бывало улыбаться внешним солнышком – ей или не ей, не суть важно. Он просунул в окошечко плитку шоколада. Кассирша прибрала её небрежно в ящик стола, что под рукой.

Тем временем Никита принялся выкладывать на прилавок денежные пачки, перехваченные накрест резинками.

– Ого! – кассирша несколько смягчила тон и ждала, когда же он выложит всё без остатка. – Хорошая выручка, как погляжу.

– Стараюсь, – приободрился от гордости Никита. – Дела идут. Не жалуюсь.

– Мелочёвки, только гляжу, больно много, – не преминула остудить его пыл. – Пересчитывай тут до посинения!

– Ничего не поделаешь, – нашёлся с ответом. – Розница есть розница, да и ассортимент мелочный.

– А ты бы загодя, не дожидаясь конца торгового дня, откладывал купюры покрупнее. Как все.

– Тут уж как придётся.

Кассирша без суеты, взяв в руки очередную пачку денег, снимала резинку, перелистывала купюры и запускала в счётную машинку, затем просвечивала в поисках фальшивых банкнот, кое-какие перепроверяла на ощупь, разглядывала в лупу, опять пересчитывала, перевязывала и откладывала в сторону у него на виду. Счётная машинка то и дело сбоила.

– Влажные, – недовольно проворчала она.

– Ну, соответственно, наверное, вчерашней погоде, – усмехнулся Никита.

– Машинке про погоду не расскажешь.

– Надо спиртиком почаще потчивать.

– Без умников! Сама, небось, разберусь, – обрезала его и уже выговаривает: – На будущее, кстати. Сначала сушите.

Тут не поспоришь, и перечить Никита не посмел. Он лишь спросил в недоумении:

– Как сушить?

– Не знаю. Хоть на батарее.

– Батареи-то отключили!

– Тогда утюгом.

– Лучше на балконе, – хмыкнул, – как бельё на солнышке...

Никита терпеливо, с незлобивой улыбкой на губах сносил обиду, представляя, как и в самом деле на бельевую верёвку прищепит – тысячи денежек полощет на ветру, и все как одна на глазах завидующих... соседей.

– Следующий раз, так и знай, мокрые купюры не приму, – и вдруг смешинка закралась в уголки губ и глаз усталых. Капризная, однако ж. Улыбнулась едва и ворчит уже: – Я вам не занималась ни мыть, ни сушить. Чисти тут машинку после всяких! Да ещё спиртом.

Никита смирил свой неуместный смешок, решив терпеливо переждать волну раздражения, и помалкивал с нарочито виноватым видом, чтобы только не накликать каких неприятностей на свою грешную голову. Осложнения ему нынче пуще беды какой. Наконец она завершила своё счётное дело и, искоса глаз на него положив, уже буравит пытливым вопросом сквозь прорезь окошечка:

– Сколько здесь?

Никита назвал сумму и скрепил своё слово росписью от руки на обороте протянутого ему листа бумаги. Кассирша кивнула: угу, дескать.

Она внесла сумму в ведомость, пометила что-то в журнале, выписала приходный ордер и передала ему на подпись кучу всяких бланков. Он подписал всё со знанием дела, взял квитанцию и вышел из кассы, пожелав ей всего самого доброго и приятного, чего только можно было пожелать в подобной обстановке.

– Теперь к менеджерам! – от порога, возвращаясь в зал ожидания, обратился Никита к охраннику, бочком смещаясь к двери с автоматическим замком.

– К кому именно?

– К Натали, – уточнил он и уж взялся было за ручку двери.

– Занята!

Экая досада! Ну что тут поделаешь?! И спорить не стал, хотя тоска, прикинувшись смиренным, так и ныла, свернувшись комочком у него в груди. Невезуха...

Никита походил кругами и, не найдя более достойного себе занятия в пустом зале, долго разглядывал картинки, которыми вдоль и поперёк была оклеена дверь, ведущая в кассу. Оглянувшись, да, не измыслив, о чём неназойливо заговорить с охранником, чтоб хоть как-то скоротать за праздной болтовнёй время, так и сел, наконец уgomонившись, на прежнее место в кресло. Участь крайнего незавидна, пожалуй, в любой очереди, коими во все времена была полна наша сторонка родимая. Скучно нам без очередей: не с кем даже словом добрым обмолвиться.

Время тянулось медленно, а охранник будто забыл о нём. Никита начинал с беспокойством ёрзать в своём кресле и недовольно кряхтеть: рабочее время заканчивалось.

– Послушайте, любезный! – вконец потеряв всякое терпение, он поддался раздражению и решил напомнить о себе: – Сколько можно ждать?

Охранник пожал плечами, смерил его взглядом: мол, много вас тут всяких, – и опять уткнулся в газету.

Когда до конца рабочего дня оставалось с четверть часа, Никита вдруг рассердился:

– И всё-таки снимите трубку! Ждать мне или не ждать? Или что?! Так я уйду!

Охранник вздохнул тяжело:

– Как вас представить?

– Борг, Никита Леонтьевич, – огрызнулся Никита.

Снял тот трубку телефона и говорит:

– Наталья Ильинична, к вам тут рвётся посетитель... Борг... Да-да, Никита, кажется... Хорошо, сейчас впущу его. – И Никите уже: – Вот видите? Так что напрасно вы волновались.

Нажал кнопку, и замок на двери щёлкнул. Полагая, должно быть, себя тут заглавным, охранник повёл рукой, разворачивая ладонь указательной стрелкой:

– Знаете, куда идти?

Никита кивнул, вставая с места, – не впервой, дескать. И смерил напоследок охранника уничижительным взглядом: присиделся, блин.

– Тогда проходите, пожалуйста. Вас ждут... – уже в затвор двери процедил.

В лабиринте из узких кривых коридоров, не зная дороги, было легко заблудиться. Никита, однако ж, уверенно миновал двери одного склада, затем другого, свернул за угол и в самом конце ещё раз завернул. В закутке, за простенком, обреталась менеджерская. Вошёл внутрь – с улыбкой на устах:

– Всем аборигенам – здравствуйте! – приветствовал он весело рабочий люд, подступая к ближайшему столу: – Привет, Натали.

– Здравствуй, Никита, – отозвалась девушка и кивнула ему на кресло в углу. – Присаживайся. Мы уже заканчиваем. Глянь пока – завтрашний прайс. – И протянула ему несколько листов.

В менеджерской царила суета, сопутствующая окончанию рабочего дня. Но Натали в самом деле была занята. Клиентов было двое: оба, вполоборота, нога на ногу, развалились в креслах напротив неё и полистывали, почти не глядя, рекламные каталоги. Они явно никуда не торопились.

Никита занял указанное место в углу в ожидании своей очереди.

– Вы платите нам за то, что мы продвигаем на рынок ваш товар, – говорил один. – И главное, без посредников. У вас остаётся как оптовая, так и розничная наценки. Иными словами, вся маржа оседает в вашем кармане, но нам вы оплачиваете услугу по продаже своего товара на наших торговых площадях. Ну, доставка ещё ваша, и больше никаких затрат. Я не понимаю, что вас может не устраивать? Взаимовыгодная схема...

– Политика нашей компании, разумеется, не исключает комиссионных, но только от объёмов продаж, а не размера торговых площадей. Это называется бонус.

– Наш торговый центр весьма популярен, и у нас уже открываются филиалы в разных районах. С нами очень выгодно сотрудничать, и многие стремятся, но мы хотели бы работать именно с вами.

– Я и не сомневаюсь. Мы солидная оптовая компания, и сами в розницу не торгуем. Это не наш бизнес. Всё, что могу предложить вам, так это беспроцентный товарный кредит под залог.

Достаточно было послушать их с пару минут, чтобы тут же заскучать, приуныв. Но на случай, если вдруг прозвучит здесь что умное и полезное, Никита вполуха прислушивался к их разговору, при этом отмечая в прайсе для накладной ассортимент и количество.

Рабочее время истекло.

– Кстати, реклама бесплатна. Только себестоимость работ и материалов.

– Наша компания не нуждается в рекламе. Производитель рекламирует свою торговую марку, а мы предлагаем рекламируемые им товары своим клиентам...

Трудно было понять, как только Натали не теряет хладнокровия, выслушивая весь этот бред. Один вёл беседу, а другой помалкивал и разглядывал её, совершенно без стеснения и не тая заинтересованного взгляда. Когда она наклонялась за какой-либо очередной бумажкой, он выпрямлялся в кресле, даже шею вытягивал, чтобы заглянуть ей за глубокий вырез блузки, а однажды непроизвольно уронил бумажки, а поднимая их с пола, бросил взгляд под стол.

– Если политика нашей компании изменится, – объясняла Натали, уже бросая взгляд в сторону, на Никиту, – то мы обязательно подумаем над вашим предложением и возьмём у вас в аренду торговые площади, если ставки удовлетворят.

– Вряд ли. Мы не сдаём в аренду торговых площадей. На своих торговых площадях мы торгуем сами, а вы просто оплачиваете услугу по продвижению вашего товара. Ведь это выгодно вам и выгодно нам.

Будучи видной девушкой, Натали смотрелась эффектно – не столько лицом, главным украшением которого были волосы и искусная косметика, сколько абрисом в целом. Худенькая, стройная, длинноногая, и при этом формы как если бы очерчены твёрдым карандашом. Туалет подчёркивал грудь, бёдра и талию – соответственно положению менеджера по продажам модной одежды: короткая фирменная юбчонка и приталенная блузка на выпуск, с глубоким вырезом и стоячим воротничком. Кулон голубого камушка на золотой цепочке болтался как раз в начале расщелины меж приоткрытой груди.

Натали посмотрела с выражением на настенные часы: терпение, дескать, лопнуло, и говорит наконец:

– Мы обсудим с руководством ваше предложение. И непременно свяжемся. А сейчас прошу меня извинить: дела.

И посмотрела на золотые часики на руке, столь крохотные, что вряд ли что можно было разглядеть там, на их циферблате, ну разве обладая орлиным взором, и перевела взгляд на ждущего своей очереди клиента – на Никиту.

– Ну, что ж. Я думаю, это тоже вариант, – вдруг открыл рот тот, что всё это время помалкивал, разглядывая её то сверху, то снизу. – Когда вам позвонить?

– Я сама свяжусь с вами.

– Не сомневаемся даже. Но лучше, Натали, давайте всё-таки я позвоню... Завтра, после обеда?

– Директор в отъезде. До конца недели. Поэтому...

– Ну, так я позвоню всё-таки, – сказал ей на прощание с многозначительной ухмылкой и положил на стол визитную карточку: – Всегда буду рад.

Поблагодарив, Натали взяла карточку и, не глядя, бросила в верхний ящик стола.

Когда эти двое – невольно подумалось: хамоватые – наконец откланялись, Никита пересел к столу. Он подsunул Натали заявку на товар, а сам, пока она бежала глазами по строкам, при этом с сомнением покачивая головой, облокотился о край стола, придвинувшись вместе с креслом вплотную, и, упокоив голову подбородком меж рук, придав им форму двурогой чаши, следил глазами за её движениями. Ещё и пальчиками барабанил по щекам.

– Да, и цены, Наталочка, прошу, пожалуйста, обратить внимание, – в его фливоральном тоне проскальзывали нарочитые нотки, но оттого, что голос не громок и бархатистый шепоток исходился, а в глазах мелькали весёлые искорки, его слова звучали – двусмысленно. – Накопительные скидки пора включать – по второй колонке. А что тут шла за речь о бонусах?

Она оторвала взгляд от накладной, откинулась в кресле и молчит, покачивая головой. Глаза тёмные, большие, поблёскивают загадкой.

– Что-то не так? – спрашивает Никита.

– Как там, кстати, у тебя с балансом?

Он подал ей квитанцию от приходного кассового ордера и говорит:

– Нормально. Я закрылся по деньгам.

Натали чуть склонила голову на бок. Лёгкой усмешки кривизна тронула губы, в глазах у неё затеплился плутоватый огонёк, и лицо исказилось милой недоверчивой гримасой.

– Ну, почти, – поправил себя Никита, совершенно не смущаясь. – На руках всякое барахло осталось. Могу вернуть по первому же требованию или предъявить. Но один – два воскресных торговых дня, и вообще всё тип-топ будет. По деньгам я даже в плюсе.

– Как это ты так лихо?! Умудрился-то выкрутиться, а? Даже не верится.

– Потом расскажу. Нужен ходовой товар, чтоб красиво закрыться.

– Да вот и гляжу, что ты тут понаотмечал мне. Завтра, как положено, рассмотрим твою заявку, сверим взаиморасчёты...

– Во как нужно!

Никита провёл рукой по горлу, не отрывая глаз от её лица.

– Завтра, ну пускай хоть после обеда, но чтоб в пятницу товар с самого утра уже лёг на прилавок – иначе... сама понимаешь, опять всё зависнет на целую неделю. Бодяга сплошная. Надо рвать волокно.

Она усмехнулась его словам – каким-то чудным, необычным, совершенно не таким, какие привыкла слышать в своём кругу.

– Обещать не буду, но постараюсь сделать всё, что от меня зависит. – Натали бросила взгляд ему за спину: – Пока... До завтра... Между прочим, о бонусе. Бонусы предусмотрены для тех, кто работает по предоплате... До свидания...

И послала кому-то на прощание с улыбкой воздушный поцелуй, подчёркнуто чмокнув в пустоту.

Никита оглянулся, провожая взглядом уходящих, и, когда они, наконец, остались вдвоём, наедине в опустевшей менеджерской, вздохнул с облегчением, при этом осмелев настолько, чтобы зашептать, напуская на себя многозначительный вид:

– А этот так тебя разглядывал – просто кошмар! То сверху пялится, то снизу подсматривает.

– Я не слепая. Он мог разглядеть только то, что видят все. А ты что, ревнуешь?

Никита хотел сказать, что вовсе нет, не ревнует, и это было бы почти правдой. Ему даже было приятно осознавать, что многие с завистью кладут неравнодушный взгляд на предмет, который не долее, как три дня тому назад, он тискал в тёмном подъезде, – и знает не только на глазок, но и на ощупь, даже на вкус и запах.

– Ну, не то чтобы совсем так уж и ревную...

Правда без прикрас очень часто звучит невежливо, и, как знать, порой так и вовсе бывает обидно прочесть чужие мысли, особенно когда твой собеседник в этот момент думает о тебе. И он ответил, поворачивая эту свою откровенность другой, приятной ей во всех отношениях стороной, что, после лёгкого замешательства, и в самом деле стала похожей на правду:

– Намёки... – И после заминки, как бы пропуская через себя: – Есть чуточку – занозливое. Так бы и треснул по голове!

– Кого, меня, что ли?!

– Нет, тебя я просто задушил бы – в объятиях!

Натали по нраву пришёлся искренний комплимент, и она залилась кокетливым хохотом, возведя к потолку глаза и часто-часто заморгав, чтобы тушь не потекла, при этом слабо, безвольно махнув рукой в воздухе: ой, ну и уморил, дескать.

Ну а для чего ещё такой прикид, подумал Никита, как ни для того, чтобы залучать недвусмысленные взгляды, едва прикрывая те прелести, которые воображение само дорисует и украсит. Но что если и беспокоило его всерьёз, так это подъезд её дома – тёмный, грязный, проходной. Один раз, по случаю, терпимо: за поцелуями и не заметишь, насколько неприятный уголок выбрали, а вот потом – надо что-то думать и как-то говорить об этом. Он не знал, что и как. И она сама – чёрт её знает, что подумала, и куда её вдруг понесёт, случись, ляпнет что он своим неловким языком. Боялся подпустить к себе очень близко, и оттолкнуть было жалко.

– Ладно. Поговорим позже, – молвит Натали, принимая серьёзный, если не сказать – суетливо-деловой вид. – Мне в самом деле некогда.

– Ты что, занята? – Никита вдруг почувствовал укол беспокойства. – А я хотел проводить тебя после работы. Может, зашли бы куда посидеть?

– Увы, не сегодня. Как-нибудь, может, в другой раз.

– Ты извини меня, если чем обидел. Я должен был позвонить, но у меня нет твоего телефона. Я не пропал. Я все эти дни, как проклятый...

– Перестань! Я не обиделась. Я просто опаздываю.

– Куда?

– В кабак.

– С кем?

– Ты что – ревнуешь?

– А как ты думаешь?! Не то слово!

– Успокойся. Я с шефом иду.

– Чем, интересно, успокоиться? Ещё хуже, что с шефом.

– Почему?

– Не пошлешь... Да он же, ты говорила, в командировке?

– Ой, ты слушай побольше! Я соврала: эти двое просто достали меня. По полной программе. Не знала, как и отделаться. А с шефом – это так, деловое предприятие. Нас там всякой твари будет по паре. И куча нудных клиентов.

– А-а, ну что ж... – Никита развёл руки в стороны, не скрывая своего разочарования. – Ну, раз такое дело, давай хоть до ресторана провожу. Это где, далеко?

– Нет-нет, вот только этого, пожалуйста, не надо...

Задержала на нём задумчивый сочувственный взгляд и как будто смилостивилась, подсластив его горькую кручинушку:

– А впрочем, если хочешь, можешь встретить меня после. Только не у ресторана. Подождишь у подъезда.

– Да-да, конечно же. Да хоть до утра! – ему не пришлось прикидываться, будто обрадовался, потому как он и вправду был рад...

И неожиданно смутился, удивившись чувству занозистому и нарывающему, что обнаружил нечаянно в себе, с утра ещё на пустом, казалось бы, месте, – как сладкая дёргающая боль. Опомнился – и запоздало притушил вспыхнувшую в глазах искорку тенью хмурой тучки, что заботой омрачила его дотоле безоблачное чело. Дошло, что опять сплеховал, – и разгладил озабоченную складку меж бровей, прояснившись белозубым оскалом глупой улыбки.

– Ну, до утра, надеюсь, дело не дойдёт, – задумчиво проговорила Натали, успев заметить нечто неладное в выражении его глаз, и потупила свой взгляд, чтобы скрыть, как тронула её эта его судорога на лице, что улыбкой, должно быть, зовётся, но тут же, совладав с кокетства невольными позывами, исправилась на серьёзный лад: – Где-нибудь, думаю, после одиннадцати. Пока то да сё, пока доеду... Сам понимаешь, мероприятие протокольное. Не слиняешь.

И подпустила ещё больше холодку во взгляд, отчего глаза приняли будничное и отчуждённое выражение, утратив глубину и загадку.

Хотел спросить Никита, при себе ли у неё зонтик, да отчего-то вдруг передумал.

Так и расстались, распрощавшись до вечера, отстранёнными, и каждый на свой деловой лад – задумчивым.

С некоторых пор Никита стал очень чувствительным к погоде и ко времени. Часы за ненадобностью он вовсе не носил на руке. По каким-то своим особенным признакам определял он, который час, где должны быть солнце и луна и будет ли дождь, когда начнётся и как долго продлится. Ошибался он редко. Минуты не проходило, чтоб не глянул на небо. Он помнил, какой был накануне закат, и какой сегодня рассвет. Давление нутром чуял. Он точно знал, откуда дует ветер, и легко осязал влажность и температуру воздуха. Смешно сказать, и потому он никому не признавался: однажды, роясь в старых вещах в чулане, наткнулся там на свои школьные географические дневники и с тех пор завёл толстую канцелярскую тетрадь, куда записывал не только свои наблюдения над погодой, но и разные приметы, предчувствия, жалобы знакомых на недомогание и прочее. Всё это, разумеется, пока вне строгой системы и время от времени, в часы скуки и интереса ради. И тем не менее, результат был налицо: он никогда не сворачивал напрасно торговлю при виде тучки и зря не выкладывал на прилавок товар – как если бы ветерок спешил по-дружески нашептать ему на ушко тайное знание, упредив любые капризы природы.

С природой, таким образом, он был на дружеской ноге. Поэтому, если кто подглядывал сейчас за ним со стороны, то мог бы заметить, что он встал с детских качелей и вошёл в подъезд ровно за несколько мгновений до того, как дождь буквально обрушился с небес. Ни одна нечаянная капля не упала ему на плечи.

Натали повезло меньше. Она подъехала как раз в самый разгар ливня, и Никита промок до нитки, извлекая её из такси. Она тоже вымокла, хоть выжимай. Не отрезвил её апрельский душ, – наоборот, казалось, ей стало много хуже: из машины вышла на своих двоих, а в подъезде уже просто повисла у него на руках.

Дождь испортил им вечер: мокрый, на сквозняке долго миловаться не будешь, – ни от поцелуев не просохнешь, ни объятиями не согреешься. Ну разве что чуть-чуть, минуток с пятью отдаться на прощание во власть легкомысленной ласки – не дольше.

Он обнял её, напрасно пытаясь согреть телом, и она обмякла, безвольная и покорная.

– Нет, так не пойдёт, – сказал он ей, почувствовав дрожь в теле. – Ты простудишься.

– Что? – спрашивает Натали.

– Простудишься, говорю. Заболеешь. И кто тогда мне, бедному, выпишет товару, а?

Он, конечно же, подтрунивал, хотя во всякой шутке, знает каждый, есть толика правды.
– А кто? – спросила Натали и, откинув голову назад, уставилась на него непонимающим, бессмысленным взглядом.

Какие, однако ж, глаза у неё – большие и тёмные!

Она начинала вздрагивать на сквозняке. Апрель оправдывал свой коварный и подленький характер. Дрянной месячишко: вот так вот подставить в самый неподходящий момент. Впрочем, грядущая неделя, представлялось ему, обещала тепло и много солнца. Особенно ближе к майским. Завтра он непременно должен заполучить ходовой товар. Торговые дни будут что надо, так что он надеялся быть первым на рынке, чтобы собрать все самые густые и жирные сливки, пока цены не упали, и дачники сметут все остатки, которые перепадут им после утреннего поезда с оптовиками. Привередничать начнут чуток погода. Летний сезон облагородит себя определением модный только к июню, когда нерасторопные челноки, ввиду серьёзности и основательности своих намерений, на машинах повалят на рынок как на базар, устраивая гонку вниз по ценам. Главное, успеть обернуться до того, как летний бум ни накроет с головой.

– Пошли, – говорит Никита, – я провожу тебя до двери дома и сдам с рук на руки. А то, и правда, заболеешь, не дай бог. Вон, гляжу, вся озябла, продрогла.

– А ты?

– А я никогда не болею, – ответил Никита и, приняв на себя роль подпорки, повёл её по ступеням наверх. – А вот ты простудишься, если тебя не переодеть.

– И никто тебе, голуб мой, не подаст товару, – бормочет невесть что. – И будешь на бобах сидеть, слёзно вымаливая подавание.

Он только посмеивался, поднимая её по ступеням на четвёртый этаж хрущёвки – без лифтов.

Остановились у двери. Никита крепко держал её за талию, чтоб не споткнулась. Напустил на себя степенный и вместе с тем скромный вид и свободной рукой нажал на звонок. Раз. Потом другой. Наконец третий.

– Чего звонишь? – спрашивает Натали. – Уже поздно. Весь дом перебудишь.

– Твои не хотят открывать. Заснули, что ли?

И опять позвонил, долго не снимая палец с кнопки дверного звонка.

– Ты чего, спрашивается, звонишь? Там никого нет. Входи.

Он толкнул дверь – заперто.

– Какой ты смешной!

– А где ключи?

– Где-где? В сумке. Где ж ещё?

Никита прислонил её к себе, прижимая одной рукой, а другой полез к ней в сумочку – за её спиной. Всё то время, что он рылся в её сумочке в поисках ключей на ощупь среди всяких там побрякушек, она мотлялась из стороны в сторону, зацепившись вкруг руками за его шею, и стойчески удерживалась на ногах. Что-то невнятное бормотала себе под нос. Наконец он нашупал ключи, закрыл сумочку и кое-как отомкнул дверь. Перенёс через порог. Приставив к вешалке в прихожей, закрыл дверь ключом изнутри. Брыкаясь, она скидывает с ног туфли на каблуках, и туфли летят далеко по сторонам. Чуть сама не съезжает по стеночке на пол следом за своими туфлями. И упала бы, не подхвати её в самый последний момент.

– А теперь в туалет неси, – говорит Натали.

Как тут быть? Сама не дойдёт. И Никита повёл её – бочком по узкому коридорчику. Ему это напоминало какой-то старинный танец, который он многожды видел на экране, но только исполняемый теперь в совершенно неуклюжей манере.

Натали цепко держится обеими руками за шею и шатается, так что даже можно особо не придерживать – не упадёт. Задрал юбчонку, спустил трусики ей до колен и посадил на толчок. Попридержал чуть, направляя, и прикрыл дверь.

Стоит. Ждёт. Время идёт и ничего не происходит.

Минут пять прошло, прежде чем он решился потянуть за ручку. Не заперта. Приоткрыл украдкой дверь – спит? Нет, не спит. Тянет ручонки к нему.

– Забери меня отсюда, – бормочет.

Никита положил её руки себе на шею, поднял с толчка, подтянул ей трусики. Повёл в ванную.

– Не надо, – бормочет. – Я и так мокрая.

– Надо, – хихикает, включая воду, и стаскивает с неё блузку, юбочку, спускает трусики, а потом сажает в воду, приговаривая: – Чтоб согрелась.

Кое-как, сидя уже по грудь в тёплой воде, с грехом пополам смывает подушечками двух пальцев тушь с глаз и пытается встать. Он удерживает её на руках. Скользко. Вода стекает с неё ручьями и льётся мимо ванны. По его рубаше. Штаны хоть выкручивай. Нашупывая за спиной на вешалке полотенце, он натывается на махровый халат и набрасывает на плечи ей.

– В спальню неси, – бормочет, вцепившись в шею и подгибая ноги в коленках.

Берёт на руки и несёт, огибая многочисленные углы, чтоб не зашибить ненароком. Опускает на край кровати, откинув одеяло. Смеётся.

– Ты почему смеёшься? – спрашивает, запутавшись руками в рукавах.

– Ложись, я тебе сейчас чайку горячего заварю. Или, может, кофе?

Он помог ей выпростать руки и попытался уложить её головой на подушку, но распрямиться она ему не позволила. Повиснув на шее, с силой пригнула ещё ниже, притягивая к себе. Он поцеловал её в щёчку и хотел было опять отойти, но она не отпускала – настойчиво прижимая к себе, крепче и крепче.

– А кто придёт? – шепчет и, не получив ответа, сдаётся безропотно.

– Иди ко мне, дурачок. Никого же нет, и не будет уже...

Всё произошло очень быстро и пронзительно, причём настолько, что он не успел ни понять, ни толком расчувствоваться. Он мог насладиться ощущением близости только после всего, что произошло, когда гладил её, целовал. Ей были приятны его ласки, а ещё приятнее то, что его нежность не иссякла сразу же после того, как всё закончилось, и она прошептала:

– А ты ласковый.

И отзывалась на ласки, давая понять, что для него ещё не всё закончилось, что она ждёт. И он трепетал от мысли, прикасаясь, – и силы восстановились быстро, ну а желания близости ему было не занимать.

Ему нравилось целоваться с ней. Она не смущалась, когда его руки трогали её грудь. Она подставлялась под его ласки и даже помогала почувствовать в себе уверенность, когда ему вдруг казалось, что он слишком осмелел, позволив своим рукам слишком многое, но не всего ещё, на что они были способны. Он боялся оскорбить, обидеть. Но не был робок настолько, чтобы отдаться во власть сковывающему смущению.

Натали чуть отстранилась, лицом к лицу держа в ладонках его голову, чтоб разглядеть получше, взяла его руку и поднесла к губам, обцеловала пальчики, не спуская с него глаз и не позволяя приблизиться его губам к губам своим, и прошептала:

– У тебя такие нежные руки.

Он увидел её глаза близко-близко. Они были большие, тёмные и блестели. Щёки зарозовели. И веснушки разглядел. Веснушки были какими-то родными, близкими – уютными, как старые домашние тапочки. Он коснулся губами глаз и опять прильнул к губам, пытаясь пылко испытать весь её сосуд.

Она положила ему руки ладонями на щёки, и он почувствовал её вытянутое упругое тело под собой, но она вовремя отклонила его. Опять поглядела в глаза и медленно с расстановкой

вертела его голову лицом то туда, то сюда, как будто разглядывала, а сама наносила поцелуи – точно жалила.

Он хотел сказать, но она приложила палец к его шевельнувшимся губам. Ему нужно было сказать, потому как молчать он не мог, – он должен был сказать ей, и она заткнула ему рот, впившись поцелуем.

Он чуть растерялся, и было к ней прильнул – она опять охладила его порыв, а ему уже было мало её. Взяв руку в свои руки, долго целовала, а потом, не выпуская его руки, глядя глаза в глаза, повела его в долгое путешествие по всем географическим закоулкам своего богатого на открытия тела.

Никита вдруг почувствовал себя рядом с ней мальчиком. Конечно же, мальчиком он не был, но и особым опытом похвастаться не смог бы. И не скажешь, будто не от мира сего: пытлив не в меру и чуток ко всему. Но что есть знания без опыта? Любовь чужая, беглая и эфемерная, – суха как наука, без страсти к познанию.

Он сгорал, но терпел. Он должен быть послушным, а будучи послушным, прислушивался к языку чувств, и ритму страсти, и порывам тел. И покорялся с безрассудством, с каким стыдливость прячут на потом.

Она его вела. И привела к вратам. Глаза закатились, и выдох громкий вырвался наружу. Его было не удержать. Она и не держала, а лишь сопротивлялась, причём настолько, чтоб миг, когда крепость пала под напором, был для него и для неё сладчайшим мигом и удачей.

Схватывая намёки на лету, он только-только учился понимать, что в танце страсти в паре ведущих двое, и взлетит он так высоко, как высоко взлетают оба. И взлетели вместе до небес – и не пали, распустив ласки нежный парашют.

Та ночь была полна чудес и открытий чудных. Он любил. И ревновал. Страдал и наслаждался. Он мучился и отдавался страсти. Он себя забыл – и забылся, как будто он не он.

Затихли с первыми лучиками рассвета. Никита был совсем уже не тот, каким сюда входил. Он должен был, и ценою долга полагал он жизнь свою отдать. И счастлив был, и видел счастье в отблеске глаз рядом на подушке. Не обмануть. Не обмануться.

Провалился лишь на миг, боясь утратить счастья дуновение, и проснулся, когда солнце встало.

Погладил по щеке, коснулся лба устами, разгладил бровь, морщинку растянул – и потянулись благодарно губы, чтоб коснуться губ его и прошептать невнятно:

– Милый мой.

Он разглядывал так близко при свете утреннего солнца чёточки, вдруг ставшие милее и родней всего на свете. Вот завиток упрямый колосится. Пылинка на носу сидит. Белым крылом рука взмахнула и обняла. Скользнула и упала. Как смешно. Как мило нос сопит. И вдруг притих. Спит – не спит. Ласки ищут губы. И прикосновений трепет пробуждает чувства, наполняет силой.

И вдруг откуда всё взялось опять. Ни сна, ни неги, но страсти запросила любовь, внезапно пробудившись. Изгибы тела и извилины души как будто слились в долгом поцелуе.

Он вёл её – дорогой страсти нежной. Не кончилось – всё только началось.

Натали ещё дремала.

Никита потихоньку выскользнул из постели. Его тревогой наполняло. Не заснуть уже.

Он привёл себя в порядок, прибрал вокруг и ждал невесть чего, будто сидя на иголках, а не в кресле у окна. Прислушивался, ловя посторонние шорохи. Ждал он пробужденья. Ждал в дверь звонка. Он вдруг представил, что вот встанет и уйдёт. Как уйдёт – дверь не затворив? А как назад вернётся? Или запереть, чтоб не ушла? Что скажет ей? Что вздумает она?

И вдруг дождался: ключ в замке – и повернулся, не открыв запертой на засов двери. Звенит звонок. Никита на ходу придумывает, что сказать.

Отворяет дверь.

– Ты кто? – ему с порога.

– Я?

– Ну не я же?!

– Я – Никита.

– Где Натали?

– Спит ещё.

– А ты?

– Я жду, когда она проснётся.

– Ты что, жених?

– Никита я, а вы кто?

И робко тянет руку. Пришелец, что вдруг, пришедши, разладил этот тихий мир, – вторгся, разворошил и всё смешал, как инопланетянин, приземлившись посреди торговой площади в базарный день. Смотрит задумчиво на протянутую ему руку, о чём-то своём размышляет... и после раздумий делает-таки одолжение, нехотя вкладывая пальцы в открытую ладонь.

– Я Серёга. Брат. Чего так долго спит?

– Я не сплю. Чего кричишь?

В проёме двери объявилась Натали, зябко кутаясь в халат. Лицо хмурое, недовольное. Чужая. И в груди сосёт тоска при взгляде на отчуждённые черты.

– Где мать с отцом?

– Не спрашивай. А ты чего ни свет, ни заря припёрся?

– А ты чего не на работе?

– Видишь, собираюсь.

– Оно и видно. Так где мать с отцом?

– Где-где? Уехали, где ж ещё!

– Куда уехали?

Натали махнула рукой:

– Туда и уехали. Не помню. Не знаю.

И пошла в ванную. И уже кричит оттуда:

– На похороны. В экспедицию.

– Так на похороны или в экспедицию?

– Не знаю. Мать позвонила и сказала только, что кто-то там у них разбился.

– Где разбился? Почему разбился?

– А я почём знаю?!

– А почему мне не сообщили?

– Тебя не было. Они мне позвонили и сказали, что всё срочно. Я тебе звонила, у тебя никто трубку не брал.

– Ну, правильно. Я ж работал.

– А если работал, то почему спрашиваешь?

Серёга только головой покачал, скривив гримасу: беда, мол, с ней.

– Рыба снулая! – пробурчал вполголоса, так чтобы уже в метре волны звука сами по себе затухли.

Разулся, по-хозяйски вставил ноги в шлёпанцы и пошёл на кухню. Сел за стол. Никита прошёл за ним следом. Сел за стол напротив.

– Ты кто? – спросил опять Серёга.

– Я коммерсант.

– А-а, ну-ну!

– А ты кто?

– А я бомбила! – и засмеялся. – Я коммерсантов подвожу. Стало быть, тоже коммерсант, только на иной лад. А ты торгуешь. Тоже шмотками?

Никита кивнул.

– Ладно, не обижайся, – и толкнул Никиту кулаком в плечо по-дружески.

Натали вошла в кухню. Поставила чайник на плиту.

– Чай будешь? – спросила она брата.

– Пожрать чего есть?

– В холодильнике посмотри.

– А ты чего не на работе?

– Уже спрашивал. Сам, что ли, не видишь?

– Да вижу-вижу.

– А чего тогда пристал?

Натали вышла, и Никита услышал, как она набирает номер телефона, а потом говорит, что задерживается, но скоро будет. И вдруг смеётся. Понизив голос, что-то шепчет и опять смеётся. Слушает и опять смеётся. А потом говорит: пока, мол, – и кладёт трубку.

Никиту словно бы занозило что внутри. Его чувства вдруг как-то обострились, совершенно изменившись в неведомую прежде сторону, и он почувствовал себя несчастным и неловким. Как в школе, когда ты каждое утро встаёшь с чувством, что ты сегодня опять чего-то кому-то непременно должен. И ему не неприятно было это чувство. Ему захотелось быть должным.

– Слушай, Наташка, ты где его откопала? – спросил брат Серёга, кивая в сторону Никиты.

– Где-где? На работе, где ж ещё! Разве я где ещё бываю?!

– Ну, мало ли, может, из клуба ночного притащила.

– На календарь посмотри, а? Какой день недели? Клиент наш. Весь такой несчастный был. Ограбили, обобрали. Весь в долгах пришёл, нахохлившись. Думала, совсем загнётся. Пожалела. А пожалев, пригляделась повнимательнее. Смотрю – ничего воробышек. Оперился и даже чирикать стал.

– Ты его в гнёздышко и затащила?

Никите не нравился этот разговор, да и кому понравится, когда, тебя не спрашивая, о тебе же и при тебе да в третьем лице – как о предмете. Да ещё и с шуточками, с подколкой. Терпел, не имея иного выхода.

– Не болтай глупостей! – говорит она брату, и к Никите с улыбкой: – Извини, он брат, и имеет право задавать вопросы. Привыкай. Или, лучше будет, уши заткни и не слушай.

– Ну да, – приободрился Никита, – представляю: прихожу домой, вставляю ключ в дверь, а на пороге мужик: ты кто такой, спрашивает?

– Ну да, в общем, как-то так, – усмехается брат Серёга, и смотрит, щуя глаз. – Ты, как погляжу, парень вроде как ничего. Занятный. Но смотри мне! Сестрёнку обидишь – головы не сносить...

– Серёженька, вот только не надо, а? Я сама как-нибудь разберусь со своими делами.

– Всё-всё, не буду, как знаешь, – он поднял обе руки вверх. – Сдаюсь!

Натали посмотрела на часы и говорит:

– Ты, Никита, хотел, мне помнится, давеча рассказать что-то.

– Что?

Она смотрит – и голова склонилась чуть набок, в глазах сверкают лукавые чёртики, кривит ухмылка губы. В одной руке щёточка, в другой тубик с тушью. Зеркало на подножке. Рядом чашка с чаем. Один глаз накрашен и оттого выразительный – другой блёклый. Бровь крутой дугой. Уютно и легко. И вдруг как будто тепло возвращается, и она мила, да и брат вроде как бы не совсем чужой.

– Как ты по долгам умудрился рассчитаться? Обещал рассказать. Любопытно.

– Грабанули, что ль? – спрашивает брат Серёга, сочувственно качая головой. – Ничего, бывает. Меня тоже парочку раз как лоха развели.

– Глупая история, – кивает Никита. – Но если одним словом, то выкрутился-таки. Дела, как говорится, намази.

Осень. Вернулся из армии. Делать нечего. Денег тоже нет. Нас у матери двое: я да сестрёнка младшая. Мать-кормилица троллейбус водит по маршруту в режиме двухсменки.

Пошлялся с недельку с друзьями по улице, винца попил, привык, что всё не в ногу и не строим, да и пошёл искать работу. Взяли в охранники и на рынок определили. Посидел до нового года, присмотрелся – и тоска взяла. Как говорится: и что дальше? Одни торгуют, другие покупают, а я охраняю. Чем я хуже? Тоже хочу быть сам себе хозяин. Так и подался в коммерсанты.

Места забил дерьмовые, на новых, неосвоенных площадях – вдали от метро, под мостом. Если повезло поймать поток с электрички, то хоть как-то отобьёшь свои, а нет – так едва наберёшь, чтоб за место расплатиться. Беда, короче говоря.

Но приспособился. Как раз часиков в восемь утра, когда ещё рынок пуст и предложение стремится к нулю, особенно в небазарный день, тянутся вразнобой всякие мелкие оптовички из пригорода. Я им по дешёвке товар сдам, поторгую ещё часок – другой на карман, и ходу оттуда, пока не обилетили. Чего держаться за места, коих половина в будни пустует? Стал договариваться по времени и ассортименту. Сам торговал полный день только в выходные. Ну и ничего, оборот пошёл, кое-какие деньжата завелись, да и ходовой товар стали давать в кредит. Я живо приучился пристраивать его с нагрузкой по чужим точкам, а кое-что прямо на ходу сплавлять. Идёшь с мячиком против потока в час пик, подбрасываешь – и покрикиваешь: кому футбольный мячик?! А заодно майки, трусишки, носочки, ремни и прочая мелочёвка в сумке за плечами.

И вот однажды партию товара сдал оптовичку, денежку выручил – подходят ко мне. Солнце мартовское тенью заслонило.

– За место не платишь рынку – плати нам.

Забрали деньги, забрали товар и пинком под зад. Остался ни с чем. В долгах как в шелках, хоть вешайся, а жить надо дальше... не с нуля – из ямы подниматься.

Что делать? Пошёл на разборки, поднимаясь от младших к старшим браткам. Под самую крышу не пустили, но по понятиям рассудили правильно: и не должен был платить, но так ведь не бывает, чтоб вовсе никому не платить. Денег не вернули, шмотки не вернули, но пристроили за спасибо на точку проходную, а стало быть, прибыльную, если товар соответствует месту.

Вот тут я и развернулся. Сначала ко второй фирме подъехал, потом к третьей. Распишал товар по точкам. Когда платить нужно первому поставщику, я отдаю ему выручку второго, когда второму – третьего, третьему – первого, и так далее по спирали.

С долгами рассчитался быстро, и на сегодня даже в прибылях, пускай и в расчётных пока что. А чтоб товар ходовой давали, нужны объёмы, так я ведь своих оптовичков не бросил – я им без наценки сдаю, живя исключительно на скидках и курсовой разнице. И им меньше хлопот – всё из одних рук: зараз можно отовариться.

Вот вкратце и вся немудрёная история.

– Н-да, лихо, должна признаться, раскрутился, – качает головой Натали, убирая со стола в косметичку тюбики да пузырьки всякие. – Ни за что не подумала б. Теперь, кажется, начинаю соображать.

– Это ещё что?! – говорит, возгордившись, Никита. – Я напарника себе взял и вторую точку открываю. А с оптовиками наладил прямые поставки – по первой колонке, без скидок, с вашего склада. Сейчас вот живыми деньгами начну платить, и бонус от тебя потребую.

Натали смеётся и говорит брату:

– А ты говоришь – где откопала. Коммерсант прирождённый!

– Напарник собрался в Венгрию за майками с рисунком. А у меня другая наметка – но об этом потом.

– Да, и в самом деле. Потом. Мне на работу пора. Уже поздно.

Заметив, что взгляд у неё затуманился, а движения стали суетливо-торопливыми, да и сама она какая-то вдруг рассеянная, задумчивая, Никита встал, собираясь провожать:

– Нам пора.

– Видишь, какой командир у меня? – говорит Натали, обращаясь к брату свысока.

Уже на пороге, при выходе из квартиры, спрашивает он у брата Серёги:

– Бомбишь на своей машине?

Тот кивает: да, мол, шестёрка, причём свежая.

– А что?

– Это хорошо, что своя, – говорит Никита, – а то у меня кое-какие задумки имеются. Ну, пока. Потом поговорим. Рад был познакомиться.

Серёга пожал протянутую ему руку, и Никита с Натали ушли, оставив его наедине с мыслями и какими-то смутными надеждами, которые вдруг забрезжили в тумане намёка.

Пересчитав все ступени в подъезде сверху донизу, с четвёртого по первый этаж, Никита обнаружил, что у него нет таких слов, которые просились бы наружу, а натужно забалтывать своё смущение тоже не нашёл в себе мужества. Он был смущён, и то, что Натали всю дорогу тоже молчала, делало его смущение в его глазах настолько катастрофическим, что скрывать было бессмысленно. Только на троллейбусной остановке удалось прочистить горло ничего не значащими междометиями и вопросительными местоимениями. В троллейбусе же, придерживая её под спину, кладя руку на талию, касаясь руки, он защищался глупой улыбкой, которую не к месту напускал, а растянувши губы, никак не мог сложить их, чтобы выдать из себя хоть слово. Чувствовал себя глупым, деревянным, и отчего-то даже поймать и задержать её взгляд глазами не смел. Различил только, что глаза у неё отнюдь не тёмные, а, скорее, серые, с примесью какой-то ржавчинки – и при этом размера обычного, ну разве что густо накрашенные ресницы да тени выделяли их на лице. Она была прохладна, безразлична и казалась гордой в своём отчуждении. И он испугался, почувствовав, как мучительно засосало под ложечкой. А при мысли, что она может гадать о нём и о прошедшей ночи, просто пьяной ночи, когда во хмелю человек может чёрт-те что сотворить, а потом каяться, говорить в ночи – и не отвечать за слова при дневном свете, он почувствовал, что краснеет. Он оглянулся, как будто всматриваясь вдаль через лобовое стекло: где там остановка?

Выходя из троллейбуса, он спрыгнул и переступил слишком далеко от поручня. Руки подать не успел, вернее – поздно спохватился. Она не заметила, спустившись со ступеней так, как будто и не нуждалась в поддержке вовсе. А-ах... досадливо махнул в мыслях рукой.

Никита чувствовал неловкость, пребывая рядом с ней наедине, пускай и в толпе посторонних людей. Тесно телам в толчее людской и чуждо сердцам, как если бы каждый прятался глубоко-глубоко внутри себя, – словно бы отчуждённость в толчее была заразна, и безразличие передалось и им с Натали.

Лишь только в метро он очнулся, придя наконец в себя, и, взяв за талию, прижал к себе, хотя час пик уже миновал и давки не было. Открыл глаза навстречу её глазам. Улыбка была к месту, и слова нашли выход – о каких-то пустяках, которые потом и не вспомнишь. Да и не надо вспоминать, ведь всё равно не расслышать слов в гуле подземки. Главное, что она прижималась, уже не казалась чужой. И у него, при долгом безмолвном взгляде глаза в глаза, что будто бы сомкнулись в поцелуе, чуть закружилась голова, и даже шевельнулось неуместное чувство. Никита погладил её по руке, по щеке и услышал, когда она отстранилась:

– Косметику размажешь.

Никита притянул её тесно к себе и коснулся губами виска, отметив вдруг про себя, что скулы её покрыты бесцветным пушком.

Казалось ему, вот так ехал и ехал бы с ней, хоть на край света, и без остановок. И улыбнулся своим мыслям.

– Ты чего? – вдруг спросила она, приподняв круто бровь.

– Так, – ответил ей, ещё шире скалясь, – люди вокруг какие-то хмурые, безрадостные.

Он опекал её при выходе, твёрдо держа за талию обеими руками да ещё расставив локти в стороны и пряча под себя ноги, семеня и укорачивая шаг, чтоб сдержать напор со спины. И на эскалаторе. И в дверях, гонимых сквозняком, что готовы снести на своём пути всё и вся. И ни на мгновение не отпускал её, не отрывался, как будто касание его было вечным.

Поднявшись из-под земли наверх, он посмотрел на небо и сказал:

– Ты кофточку тёплую не взяла с собой.

– Зачем? – удивилась Натали и тоже посмотрела на небо. – Тепло ведь и солнце светит.

– Вечер обещает быть хмурым и прохладным. Но дождя сегодня не жди.

– Ты откуда знаешь, прогноз погоды, что ль, с утра изучал?

– Нет, синоптикам я не очень доверяю. Обычно врут. Погоду я чувствую кожей.

Она засмеялась и говорит:

– Посмотрим. – И вдруг будто вспомнила: – А чего мы остановились? Пошли. Я займусь твоим товаром.

– Нет, я, пожалуй, не пойду.

– Ты чего?

– Я поброжу здесь, а через часок загляну – в общем порядке.

– Да брось ты, глупости всё это.

– Нет, не глупости. Я не пойду с тобой. И вообще, не обижайся, я сделаю вид, что с тобой лично не знаком.

Ему показалось, что в её голосе проскользнуло напряжение:

– Ну, как знаешь.

Он сам расстроился от своих слов. Взял её руку, коснулся губами ладонки и зажал меж своих ладоней, говоря и не глядя в глаза, и при этом как будто разминая ей безымянный пальчик на правой руке:

– Вот такой вот бутерброд. Мне кажется, нас не должны видеть вместе. Я потом объясню. Вечером. У нас на сегодня деловое свидание намечено.

– У нас – это у кого?

Он видел, как прямо на глазах лицо её становится унылым, и она уже собирается с духом, готовая проявить гордость. А его язык не настолько гибок, чтобы след в след ступать за мыслью и чувством. И только пальцы рук трогательны. И глаза лакомы, глаз её нежно касаемы – и растапливают льдышки отчуждения.

– У нас – это у нас с тобой, у меня и у тебя.

Она смотрит и, кажется ему, сейчас спросит с недоумением: товар, дескать, будешь просить со скидками? Так я тебе и так отгружу, чего ни попросишь.

Никита протягивает руку и, не дотянувшись до её лица, бессильно роняет её на плечо. Заглядывает в глаза и вдруг говорит то, чего вовсе говорить не думал, а если вдруг и подумал бы, то подумавши, говорить не стал бы, потому что не стоило, не время и не место, – и сказал-таки отчаянно:

– Я, кажется, просто без ума.

Она не смогла скрыть удивления, распахнувшего ей широко глаза, тем самым будто обнажая себя, а он уже сказал как уязвил – до глубины души пронзил:

– Я люблю тебя.

И вдруг добавил, видя, что она не испугалась:

– Я так хочу тебя.

И наконец, она ожила – в потемневших глазах засверкали солнечные зайчики, тронуло лукавой улыбкой губы, голова чуть склонилась на бок.

– Что, прямо сейчас?

Натали протянула руку, взяла его за шею, наклонила к себе и поцеловала в щёку.

– Какой ты смешной!

И тут же стёрла пальцами помаду с его щеки. Но скрыть от его глаз, что смущена, никакие уловки ей всё равно не помогли бы.

– Я приду через час. Загружусь. Потом развезу товар, и вечером после работы буду ждать. Во-он у того киоска, чтоб не на виду.

Натали повела неопределённо бровями, чуть, показалось, воздев кверху одну бровь, и молча, не оглядываясь, ушла, гордо выпрямив спину и вздёрнув кверху носик. Высокие каблучки, отстукивая частые удары по асфальту, весёлым эхом отзывались в его сердце.

Тот памятный день выдался суетным. Отоварился. Часть товара забросил домой, забив застеклённую лоджию едва не до потолка, часть спихнул напарнику, разложив по сумкам и на бумажке расписав, что, сколько, кому, как и почём. Одну сумку захватил с собой. И в назначенный час ждал Натали у киоска.

Она опоздала, задержавшись едва ли не на полчаса: должно быть, медлила в отместку ему за ту холодность, за небрежение, даже грубоватость – за всё то, что он посмел в обращении с ней в офисе, да ещё при всех, чуть ли не принижая. Она, было, даже рассердилась и кольнула его недобрым, обидным словцом, а он не заметил, пропустив мимо ушей. И вот мстила – от души что называется. Пускай помучится, помается чуток. Может, впредь покладистее будет. Ему только на пользу пойдёт, если ошейник с шипами, а поводок короткий, чтоб не воображал невесть что.

Промелькнула даже мысль, а не обидеться ли всерьёз, но ей вдруг стало легко и радостно при виде Никиты у газетного киоска с одной белой розой в руках. Он, как всегда лицезря её, сиял внешним солнышком. И эта его радость и нетерпение обезоруживали, лишая её чувства всякой мстительности. Никита принял её в объятия и с этого момента не выпускал из рук ни на мгновение. Он будто пленил её своими нежными неустанными прикосновениями, язык которых, казалось, лучше слов говорил, что он чувствует, и она не только не разбирала дороги, но ей было уже всё равно, куда он ведёт её и что будет дальше.

Кафешка при входе не внушала тёплых и уютных ощущений. Не то чтобы это заведение нельзя было назвать приличным местом: чисто, скромно, достойно – это так, но и только-то. Пожалуй, даже в обеденный перерыв с голодухи не завернула бы в открытую дверь, ну разве что за компанию. При виде столиков, застеленных клеёнкой в красно-белую клеточку, едва удержалась от снисходительной усмешки. Тем не менее, её разбирало любопытство.

Никита усадил её за столик, и сам разместился рядом вполоборота так, чтобы заглядывать ей в глаза и при этом легко дотянуться рукой. То локтя коснётся, то коленки, положит руку на плечо и чуть сожмёт, тронет за талию, пригладит бровь, проведёт подушечками пальцев у виска, по щеке, возьмёт в руки её руку и пальчики переберёт – и вообще, его вездесущие руки были просто чудо. Им, шёлковым и быстрым, не было покоя. Натали была вся затрогана – словно зацелована.

Никита сделал заказ, болтал о чём-то, но она витала далеко-далеко, как те тучки на небе, что, набежав, скрыли солнце, точно спрятав в полупрозрачном подоле, и неяркое светило скользило где-то там, в туманном розовом мареве, склоняясь к самому закату.

За окном хмурилось, поддувал ветерок, но дождя, похоже, и в самом деле ждать не стоило. Фронт пройдёт, и с утра опять выглянет солнце, чуть-чуть сонное, заспанное, а к полудню начнёт распалиться – таков его прогноз, который и в самом деле, похоже, сбывается.

– Я открыл для себя семь законов успешного бизнеса, – говорил Никита, заказав шампанское и шашлыки. – Во-первых. Не сиди на диване перед телевизором и не мечтай об алых парусах. Присидишься. Во-вторых. Никогда не отчаивайся, как бы плохо дела ни шли. И верь в удачу. Муравьи голода не ведают. В-третьих. Не путай деньги с финансами. Деньги – это то, что в кармане. А финансы – это то, что в деле крутится и приносит деньги. В-четвёртых, и это тебе не понравится. Не можешь увеличить доходы, сокращай расходы. И всегда живи по средствам. Умеряй потребности. В-пятых, и это тебе ещё меньше понравится. Никогда не спеши расставаться с деньгами, даже если они лишние. Лишними деньги никогда не бывают. В-шестых. Это закон сохранения и преумножения добытого: учись превращать потраченное время и расходо-ванную энергию в капитал. Время плюс энергия – равно прибутку. Сумма сторон уравнения должна стремиться к нулю, а сами части уравнения устремляться в бесконечность.

Она плохо понимала, что несут и чем наполнены его слова, но движения рук и нежные прикосновения просто завораживали и дурманили. Её глаза не поспевали следить за этим круговоротом, и голова кружилась, точно она только соступила с карусели и земля вдруг перестала быть её опорой: почва уходит из-под ног, но она почему-то не падает, по-прежнему кружась. И всё в тумане.

– И седьмой закон, который должен компенсировать все неудобства предыдущих шести: никогда ничего не жалея для любимых – ни времени, ни энергии, ни тем более денег.

Впрочем, ей было всё рано, что он говорит, лишь бы говорил, потому что ей и без слов было приятно слушать его голос. Так воздействует не язык – так музыка наполняет тебя внят-ными, но невыразимыми звуками, от которых происходят поистине волшебные чувства.

– Восьмой закон ещё не постиг.

Официант принёс шампанское. Никита поднял бокал, глядя ей в глаза:

– За успешность предприятия, – таков был тост.

Они выпили, и он, наклонившись, прошептал ей: «Горько», – поцеловал её в губы. Шампанское кружило голову, да видать, в обратную сторону раскручивало хмельные завитки, так что на мгновение сознание прояснилось, и она спросила:

– А за какое предприятие мы пьём?

– За наше предприятие. Жена должна быть независима, тем более материально, от мужа, и тогда она будет любить его по-настоящему – не за что-то особенное, а вообще, за то, что он есть. А детали я расскажу потом, когда мы вернёмся с тобой домой.

– Куда?

– К нам с тобой. Сначала к тебе, а когда объявятся твои предки, мы снимем квартиру. У меня кое-какие намётки уже есть. Я в понедельник поеду смотреть варианты. А потом, когда бизнес раскрутится, мы купим себе квартиру. Купим машину, может, и не одну. Родим детей, как получится, не задумывая, просто от любви, и будем жить долго и счастливо, а умрём в один день и один час.

У неё открылись глаза, как будто она забыла, что векам привычнее моргать, и от той сухости глаза будто воспалились; у неё упал подбородок и повисли руки. Она не знала, что подумать и что ему сказать.

Никита прошептал – она не расслышала что, и, приобняв бережно, просунув руку ей подмышку, так что кончики пальцев едва-едва касались груди сбоку, долго целовал, пока она не начала приходить в себя.

Очнулась. Никита держал её пальцы в своих ладонях, а на безымянном пальчике красо-валось тоненькое колечко с крохотным бриллиантом, похожим на случайно оброненную слезу. Она даже не заметила, как его лёгкая рука обручила её.

– Это что, ты делаешь мне предложение?

– Нет...

И тут официант не вовремя под руку с заказом. Никита замолчал, дожидаясь, когда же тот разместит на столе блюдо и оставит, наконец-то, их наедине. А тот не ко времени, не к месту пытается угодить своим тщанием.

– Тогда я не поняла.

– Я делаю два предложения. Но это не главное.

– Я не понимаю.

Ушёл-таки официант, наполнив их бокалы шампанским.

– Я беру тебя замуж. И если ты не скажешь сейчас же – нет, то это уже наша свадьба: первая из всех предстоящих в жизни и тайная от всех. Потом ещё будет много всяких свадеб – и бумажная, и ситцевая, и серебряная, и золотая. Если судьба улыбнётся, и до бриллиантовой доживём – счастливо. А потом вместе – в один миг... Но пока не оперился, гнездо надо скрывать от чужого сглаза.

Отчаявшись понять, она уже и не пыталась.

– Это что?! – Вдруг, встрепенувшись и сосредоточив взгляд на кольце, Натали нахмурилась и подняла растерянный взгляд на Никиту: – Меня без меня замуж выдают?

Он поцеловал ей руку:

– Ты моя жена, да или нет?

Молчание длилось недолго. Натали вдруг прикрыла глаза, покачала головой, и из-под ресниц побежал горько-солёный ручеёк. Капелька за капелькой упали ей на блузку, и там, на груди, медленно растекалось серое пятнышко с чернилкой смывой с ресниц туши.

Никита слизнул со щеки слезу и прошептал ей:

– Горько, ой как горько.

И коснулся губ губами.

– Горько и солёно, – прошептала она, отвечая на поцелуй поцелуем.

Никита вложил бокал с шампанским ей в руку, пальцы которой онемели и не могли шевельнуться, другой бокал, тремя пальцами за ножку, неловко взял в свою руку и приподнял.

– Ты моя жена?

– Да, я твоя, – отвечала она, уже совершенно не понимая, отчего вдруг отдавала себя ему в жёны, без смущения, без раздумий, без каких-либо расчётов или условий.

Это был сон. И она не знала, хочет она проснуться либо хочет вовсе никогда не просыпаться.

– Я теперь твой муж.

Чокнулись. Выпили. И под горький шёпот губ закрепили в поцелуе крепость брачных уз, в свидетели беря всю горечь и соль её слезы и капризный апрельский вечер.

Ещё вчера вечером, спроси её кто, собирается ли она выскочить замуж, она бы только рассмеялась и без запинки описала бы суженого: портрет вышел бы не просто иным, а с точностью до наоборот.

– А как же мы будем жить? – вдруг спрашивает она, и, не дождавшись ответа, вдруг машет рукой: – А, всё равно! Я больше не могу тут. Меня, наверное, ноги не держат. Отвези меня домой.

Никита махнул официанту рукой и, когда тот подошёл, говорит ему:

– Заверните всё это нам с собой, и ещё бутылочку шампанского на вынос. И побыстрее, пожалуйста. У нас сегодня брачная ночь. Мы торопимся.

– Поздравляю, – опешил официант и поспешил исполнить распоряжение.

Спроси теперь её кто, как же так случилось, что она, всегда такая гордая и своевольная, слушала и покорялась, Натали не ответила бы определённо, как и Никита не сумел бы объяснить, отчего так вышло, что она приобрела над ним власть. Он будто уловил ритм, всю гамму нот и на лету схватил тональность: первый со вторым, переплелись их голоса и звучали то в терцию, то брали квинту, то сливались в унисон через октаву, и пойдя тут разберись, кто пер-

вым выводит трели, а кто вторит. Главное, чтоб ни одной фальшивой ноты. Не начавшись, их жизнь превращалась во что-то такое, чему не было объяснения: они вдруг почувствовали, не сговариваясь, что они пара – пара во всём, от постели до бизнеса. И слова тут излишни вовсе, как в лирической симфонии тревожная трель милицейского свистка.

Их ждала безумная ночь, полная откровений, распутства, ласки и нежности, когда границы двух «я» стираются настолько, что перестаёшь ощущать различия между действительностью реальной и вымышленной. Казалось, они были ненасытны, и вышли за пределы человеческих возможностей в своём стремлении к близости. Это был тот редкостный случай, когда можно только удивляться, но нельзя не признать с очевидностью, что две половинки нашли друг друга в том неразделимом целом, о существовании которого прежде ни один из них даже и не подозревал. И мысль догадкой озарялась: до встречи они вовсе как бы и не жили.

Тем не менее, всему есть свои рубежи, в том числе и божественному провидению. Как сказал классик, мы каждый день делаем две вещи, которые меньше всего хотели бы сделать, – ложимся по вечерам спать и поутру встаём с постели. Ну а в жизни, ежели продолжить мысль дальше, происходит то же, но с той лишь разницей, что происходит это таинство единожды в нашей жизни – мы рождаемся и мы умираем; так не есть ли сон наш маленькой репетицией пред сокровенным таинством божественного начала?!

Никита научился обманывать естество, коим наделила нас коварная природа. Он отдавал сну лишь должное – и только-то. Как придётся. Впрочем, это был самый большой, едва посильный долг. В основном он приучил себя отключаться в метро или автобусе, а также он умел прикорнуть стоя и умудрялся даже спать на ходу. Ночь он сократил всего лишь до нескольких часов кряду. Засыпал мгновенно, а просыпался прежде, чем успевали разомкнуться веки. И никогда не потягивался, не жалел о делах, которые мешали отдыху. Казалось бы со стороны, Никита вообще никогда не спал. Он любил жить наяву, а не во сне, и жил лишь бодрствуя.

Его успокоил негой рассвет на час с чуть-чуть. Восстановившись после ночи, окутанной любовной страстью, настолько, чтобы хватило сил встать со сладкого брачного ложа, Никита забросил за плечи набитую вещами сумку, открыл её ключом дверь и вышел в хмурое зябкое утро, заперев её снаружи, чтоб своими руками начать творить их счастье в этой жизни.

Когда Натали проснулась, то услышала на кухне шум закипающего чайника и звон посуды. Она вдруг вспомнила всё – и поняла, что это был не сон. Увы, на кухне она увидела брата Серёгу, с унылым выражением на лице жующего их свадебный шашлык. На часах был двенадцатый час.

Он посмотрел на неё каким-то чудным долгим взглядом, даже жевать перестал, и спросил с тревогой в голосе:

– Что?

И выдернул длинную жилку, застрявшую меж зубов.

Поплотнее закуталась в халат, передёрнула плечами и очнулась от грёз наяву:

– Жуй уж, братец, и не задавай глупых вопросов, – ответила ему Натали с призывком то ли досады, то ли раздражения в своём охрипшем голосе.

– Ты почему не на работе?

– Я простудилась и заболела.

Развернулась кругом и, без дальнейших объяснений, надолго уединилась в ванной комнате. В ней будто всё опустилось, саднило, и казалось хмурым и неприветливым вокруг, несмотря на яркий свет электрических свечей по бокам ванного зеркала. Она включила воду и склонилась над раковиной, уперевшись руками о край. Подняла голову и уставилась на себя в зеркало. Она смотрела на своё отражение так, как если бы в зеркале видела отражение чужого лица.

Услышать, как провернулся ключ в замке, она не могла. Должно быть, она почувствовала на расстоянии тепло, которое лучилось от него ещё издалека. И выбежала из ванной, бросившись к нему на шею с криком:

– Ты так напугал меня!

Брат Серёга в оба глядел на них и не понимал ровным счётом ничего, как давеча не понимала Натали ни слова из того, что говорил ей Никита. Ему ясно было только то, что в их доме происходит нечто несообразное с тем, как было всегда и как должно было или могло бы быть.

За поздним завтраком Никита так объяснял брату Серёге новое расположение в их семье:

– С сестрой твоей мы договорились: пятьдесят на пятьдесят. Но поскольку она не может сейчас оставить работу, а мне срочно нужен толковый помощник, чтоб развернуть дело, то она поделится с тобой по-братски. Нам двоим оставшихся трёх четвертей за глаза достанет. Тебе четверть. Справедливо?

– А чего делать-то?

– Я выяснил, бытовуха сейчас идёт нарасхват, и капитал оборачивается за день – другой. Выгоднее дела пока нам не найти, ну а там, поживём – увидим. Я забил место – к осени павильоны будут готовы. Осталось только аванс внести. Я договорился – наш павильон на проходе к универсаму, со стороны метро. Рядом автобусная остановка. Пять штук баксов – и магазин наш. Аванс – ровно половина. Кое-какие переговоры провёл, и со склада товар возьмём без проблем. Под магазин дадут, если поначалу частично оплатим.

– А где я возьму деньги?

– Деньги не проблема. Проблема – время. Мы возьмём кредит.

– Кто ж нам, голодранцам, кредит даст?

– Тебе – никто, а мне твоя сестра даст, – и Никита кивнул на Натали.

– Не только дам, но уже дала.

– Что дала? – захлопал глазами брат Серёга.

– Дала, даю и буду давать.

– Да ладно тебе! Шутки эти... Я серьёзно. Ей-то кто даст денег?

– Никто. Сами возьмём, и спрашивать не будем.

Брат Серёга лишь тараторил во все глаза.

– Я всё продумал. Я возьму из торговой выручки, а она прикроет. У меня три поставщика, и перекручиваться я смогу долго. Если нужно будет, удлиню цепочку – до четырёх, пяти...

– Слушай, сестричка, ты не того – а не кинет ли он нас со своей тефалью? Ты его давно знаешь? Сердцем чую – вляпаемся мы с ним в историю. Больно шустр отчего-то, как я погляжу.

– Любимую жену не кидают. Её носят на руках.

– Какую жену? У тебя что, ещё и жена есть... – вдруг насторожился братец Серёга, и в голосе металлом заскрежетали враждебные нотки.

– Да, уже есть, – улыбается Никита и кивает на Натали: – Любить никому не позволю, но жаловать уж будьте любезны. Иначе будешь иметь дело со мной.

Брат Серёга опять ничего не понял и перевёл взгляд на Натали.

– Не въехал! – По беззвучному шевелению губ угадывается внутренний шепоток: чего это, дескать, с ним?

Натали невинно пожимает плечами:

– Я его жена. А он мой муж.

– Вы чего, ребята, разыгрываете? – вертит головой брат Серёга, ошалело пуча глаза. – Я что-то ничего не пойму.

– Ты, что ль, дурак, что не понимаешь? – кривится в усмешке на брата сестра и глядит свысока и с издёвкой. – Или что, по-русски разучился понимать?

Тот трясёт головой. А Никита поднимает примирительно руки вверх и говорит:

– Ладно, проехали, ссориться по пустякам не будем. Долго объяснять. Просто поздравь. И давай ближе к делу. О деньгах, вернее, о финансах, которые нам предстоит быстро обернуть в капитал. Мне некогда. Мне ещё точки снимать. И, главное, выручку собрать. Хочу сегодня же успеть внести залог. Итак, ты согласен?

Брат Серёга переводит взгляд с одного на другую и мычит что-то невразумительное.

– Так, короче, – говорит ему Никита. – Я побежал. А ты переваривай. Если даёшь добро, то дожидаясь – меня. Здесь. Пока я не вернусь.

– Но мне бомбить? Сегодня пятница.

– Бомбить надо между делом, если карманных денег не хватает. Но ни в коем случае не наоборот. – И Натали: – Держи свой ключ. – И показывает точно такой же: – Я себе дубликат сделал.

Поцеловал Натали и ушёл, не сказав, когда ждать обратно.

– Что всё это значит? – возвысил Серёга на сестру голос на правах старшего брата, как только за Никитой захлопнулась дверь.

– И не спрашивай, – отвечает Натали и уходит. Задержавшись на пороге комнаты, вдруг обернулась и говорит брату: – Пойду, пожалуй, прикорну часок – другой. У меня как-никак медовый месяц. Надо быть свежей, когда милый пожалует.

Не прошло и минуты, как её голова появилась из-за двери:

– И тебе советую поспать пока. А то ночью за рулём заснёшь.

И скрылась в своей комнате, оставив брата наедине со своим недоумением и бесконечными вопросами, на которые ответа ему так и не дали.

В девятом часу вечера открылась дверь, и на пороге объявился Никита. Натали бросилась ему на шею с криком:

– Ну где же ты так долго был?! Я вся соскучилась по тебе.

– Я...

И поцелуй, долгий и глубокий, опечатал его замолкшие уста, заняв губы и язык более красноречивыми объяснениями, нежели тщета напрасных слов. Натали, запрыгнув ему на грудь, обхватила руками шею, поджала ноги и схлестнула крестом их у него за спиной. Он так и переступил порог с женою на груди, которую поддерживал на весу свободной рукой под зад так, как держат малых детей.

Брат Серёга безмолвно стоял в проёме кухонной двери, неловко переминаясь с ноги на ногу, и глядел широко открытыми глазами. Всё как-то было чудно и разом чудно, не по-человечески. Не так, как должно было бы быть. Он по-прежнему не осознавал, что происходит, но не мог не чувствовать, что это всерьёз и надолго, причём неожиданные изменения в жизни сестры касаются и его. Беда! Удача круто разворачивалась в пока что неведомую никому сторону.

Он вдруг заметил, что Никита приподнял руку, а в руке у него пакет – с продуктами. Торчат бутылочные горлышки. Брат Серёга бросился навстречу, чтобы принять из рук новоявленного зятя сумку, и понёс гостинцы на кухню.

– Мать с отцом хоть знают-то, а?! – крикнул в безнадёге он из кухни, выкладывая из сумки на стол, но на вразумительный ответ, разумеется, даже не рассчитывал уже, догадываясь, какую получит от сестры отповедь.

Четверть часа спустя, Натали накрывала на стол, а зять с шурином толковали по-свойски, как если бы знакомство их уходило на дюжину лет в прошлое.

– Обо мне ты так никогда не заботилась, – с шутилой обидцей в голосе выговаривал сестре брат Серёга, намекая на то, что и посуду за ним никогда не помоешь, ни еды не приготовит, не соберёт на стол, когда матери с отцом нет дома, – всё делай, дескать, сам, по-холостяцки.

Хозяйка хлопотала, сияя от счастья и удовольствия. Поставила хрустальную рюмочку да две стопочки на стол и говорит:

– Пока картошка жарится, давайте, может, по глоточку, за нас с Никитой, а то так ужасно хочется услышать горько, чтоб был повод поцеловаться!

Брата не стесняется. Дразнит, счастливая. Смеётся, откровенно заглядываясь на мужа.

– Да, но я за рулём... – сказал брат Серёга, подумал, да и махнул от безысходности рукой: – Какая может быть работа, когда тут такие дела творятся, правда?!

– И правильно, – кивает согласно головой Никита, – не каждый день сестра выходит замуж.

– Но-но! Ты смотри мне, особо не засиживайся тут, у нас своя свадьба – у тебя своя. На кой ляд ты нам третьим лишним сдался?!

– Вы меня уже гоните?! – едва ли не в отчаянии восклицает.

Никита протянул руку и, положив ему на плечо, уверенно придавил книзу. Заставил шурина сесть на табурет.

– Не болтай глупостей. Жена шутит. Давай-ка лучше выпьем – за нас с Наталочкой.

Разлил беленькой, горькой. Выпили, и брат Серёга потянулся вилкой за маринованным грибочком.

– Ты чего?! – вдруг возмущается с очевидным притворством Натали. – А горько, я что, сама себе должна кричать?!

Брат Серёга отдернул вилку от тарелки с грибами да как заорёт, точно бы с перепугу:

– Горько!

И пока сестра с зятем целовались, успел хорошенько закусить грибочками и колбаской, ещё выпить, покрикивая горько, и опять выпить да закусить. А потом уже с беспокойством говорит:

– Наташка, ты там гляди, а то картошка подгорит – останемся без ужина.

– Ой-йой-йой, – залопотала Натали, и уже хлопчет у плиты, между делом, отрываясь от сковороды, подрезает к столу всякой всячинки, что принёс в дом рачительный муж.

– Это хорошо, брат Серёга, что ты остался, чтоб поздравить нас, выпить по глоточку горькой за наше счастье, – говорит Никита, чокаясь. – Я, кстати, очень опасаюсь людей серьёзно пьющих: с человеком, пристрастившимся к рюмке, общих дел лучше бы не вести, потому как подневольный он, пускай хоть и любезный.

– Не понял, – выпучил глаза брат Серёга и, так и застыв в нерешительности, недонёс свою стопку ко рту. – А ну-ка повтори, что сказал?

– Я говорю: много пить без повода – ума не иметь. А кто не пьёт по поводу да под хорошую закуску...

– Кто?! – часто-часто заморгал брат Серёга, при этом украдкой метая по сторонам настоженный взгляд.

Свою стопку с водкой так и держал он в руке нетронутой.

– Но ещё больше опасаюсь я... – говорит Никита, выпив, и ищет вилкой цели, куда бы уколоть и чем бы закусить, – боюсь тех, кто вовсе капли на дух не переносит – или же должен знать причины, по которым они сторонятся рюмки.

– И это правильно, – вторит зятю шурин.

Натали сунула Никите в рот солёного огурчика, и следом кусочек сала, которое как раз нарезала к столу.

– Во, блин, сказочный сервис, да, брат? – восхищается Серёга, наконец-то опрокинув стопку и накалывая вилкой солёный огурчик. – Я просто не узнаю сестры родной. Ты что с ней сделал? Точно подменили.

И получил шутя ухватником по затылку.

– Почему правильно, ты-то говоришь, не поняла?

– Да потому, что человека не узнаешь, хотя бы раз не напившись с ним на пару.

– А то ещё хворый какой, да? Или, может, зашитый? – подвела черту под бытовыми наблюдениями мужчин Натали.

И на стол легла подставка под горячее, а на подставку – сковорода с жаренной на сале картошкой с луком и грибами.

– Из общей поклюём, никто не против?

– О чём речь, – кивает брат Серёга. – Все свои.

Делает глоток и кричит:

– Горько, ой как горько!

Натали прильнула ненадолго к устам Никиты.

– Ты где такую горькую нашёл, а?! Беленькая, а горькая! Рот так и вяжет... Горькая-прегорькая!

И Натали была слаще мёда, и в течение всего ужина часто и подолгу целовала. Было, даже кормила изо рта в рот, а к концу недолгого ужина, когда брат Серёга предложил распечатать вторую бутылку, и вовсе перебралась к Никите на колени. Наконец, лукаво шурясь, шепчет брату – с каким там намёком?! Говорит прямо, без обиняков и стеснений:

– Ну, всё! Поздравил, выпил, поужинал – пора и честь знать.

Не обижайся, мол, но совесть тоже надо иметь: глаза, что ль, завистью застит?

Брат Серёга вскочил из-за стола, как ошпаренный, и уже не хотел слышать никаких уговоров: посидеть, ещё по малой за успех предприятия опрокинуть да потолковать с родными по душам. Потом, потом – всё потом. Согласился выпить на посошок и тут же, без промедления, вышел из-за стола, откланиваясь и желая им всего-всего.

– Ключи от машины – положил на стол! – вдруг окрысилась Натали, заподозрив вдруг неладное.

– Да ладно тебе, я что, маленький?

– Сказано: на стол!

Брат Серёга, нахмурившись, послушно выложил ключи на стол, и Натали тут же прибрала их в кухонный ящик.

– Утром заберёшь! Когда проспишься.

Посмеиваясь над забавной семейной сценкой, Никита пошёл проводить шурина до порога и спрашивает:

– Насколько я понимаю, ты принимаешь предложение?

– Да, конечно.

– Тогда по рукам.

Протянули друг другу руки и в крепком долгом пожатии закрепили договорённость. Не выпуская руки шурина, Никита говорит:

– Тогда до понедельника. Ровно в девять утра ждём тебя у нотариуса...

Никита по-хозяйски запер дверь и едва успел обернуться, как уже ловил в раскрытые объятия любимую, – и любил её, нося по дому, при свете ламп и люстр.

Если б кто со стороны мог подглядеть, тому могло бы показаться, будто некое хищное создание набросилось на несчастную жертву и алчно терзает. Точно клоки кожи, заживо содранной, летят ошмётками по сторонам. Вот сорвана шкура с ног, вот с рук, и ещё какие-то обрывки летят, как будто кожи лоскутки. И сама, гляди, уже линяет. И не понятно, кто кого одолевает, а битва длится, и нет конца, нет края той иступлённой схватке. И вот упали, покатились, и всё ж таки верх в борьбе взяла. И добивает. Жестоко добивает. И клич победный издаёт. Взмахнув крылами, накрыла жертву – и соки выпивает. До доньшка высасывает, ни кровинки, безжалостная, не оставив на посошок.

Осьминожка вдруг затихла.

И не дышит – дышит: ожила едва. Неужели время лечит?

То была не битва. То была игра, которую любовью называют. И которой нет конца, а есть лишь краткий миг отдохновения...

Перебрались в кухню: слово – поцелуй – глоток чая – поцелуй – и слово наконец. Глаза в глаза впиваются.

Когда страсть чуть притихает, разум просыпается, и трезвый ум задаёт вопросы.

– Как же ты собираешься сводить концы с концами? Ну ладно. Допустим, из торговой выручки ты накопишь на первый взнос, а я прикрою. По очереди будешь перемещать долг, помалу сокращая. Никто не заметит. Расплатишься, и опять по уши в долгах: должен выкупать право долгосрочной аренды.

Никита был удивлён: ему казалось, что Натали мимо ушей пропустила все его слова, а не – суть ухватила, и даже просчитала.

– И это очень, очень хорошо, что ты всё понимаешь. Потому что нам нужна будет твоя помощь.

– Сомневаюсь, чтобы доходы с одной точки могли сравниться с моей зарплатой, но на такой подъём ведь никакой зарплаты не хватит, пускай даже с премиями и откатами. А ещё, ты говорил, квартира – и всё такое. Как же мы будем жить? Можно, конечно, потерпеть чуток, ужаться, но не бесконечно. Я ведь не первый день, как на свет родилась. И в делах, пожалуй, знаю поболее твоего.

Никита снял Натали с колен. Он был серьёзен, как никогда прежде. Натали таким его ещё не видела. Он откупорил бутылку коньяку.

– Извини, что коньяк дешёвый.

– Да ладно тебе извиняться!

Она машет рукой, и Никита наливает и говорит:

– О стартовом капитале... Я знаю, что доходов от трёх точек едва хватает, чтобы застолбить место. А ещё оборудование, товар, зарплаты, налоги, время на раскрутку... – расходов не счесть. Если не развиваться, то вряд ли выживем. Выручку первого магазина придётся вложить в открытие второго. Крутиться. Изворачиваться. И так далее. А стоит замешкаться – и волна долгов накроет с головой...

– Ну, вот видишь! Мне страшно.

Натали порывается спрятаться у него на груди, но Никита берёт её за плечи, удерживая порыв, и глядит прямо в глаза:

– Сейчас будет ещё страшнее. Жуть как страшно!

Натали с испугом глядит во все глаза и ждёт, что скажет он. Она верит, что сейчас ей будет по-настоящему жутко.

– Я рассказывал тебе, как братки пощипали меня? Обобрали, но пристроили. Кстати, деньги по доброте душевной предлагали – в долг и под терпимые проценты. Я не взял. Не дурак.

– Надеюсь.

– Свобода выбора дороже. Ну так вот. Я не всё тебе рассказал, вернее, не до конца. Они долго присматривались ко мне...

– Долго – это сколько? Неделю, две...

– А потом вдруг предложили поработать...

– Тебе?!

– Аудитором.

– Не смейся.

– Это с виду кажется – быки тупые. Эти братки крышуют твою фирму, и твои платят исправно, но – есть подозрение... Странно было б, если бы не утаивалась львиная доля. За

руку поймать – пойдй попробуй. Идёт время – и наглеют твои. Но беспечность, сама знаешь, до добра не доводит. А надо всё и всегда считать да просчитывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.